

АЛЕКСАНДР
ЛОЗЬЕ

АНТИ- ГЛОБАЛИЗМ НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

БОРЬБА ПРОТИВ
НОВОГО
МИРОВОГО
ПОРЯДКА

Против течения

Александр Лозье

**Антиглобализм на тропе
войны. Борьба против
нового мирового порядка**

«Алисторус»

2026

УДК 329.055.5
ББК 66.69(7Coe)

Лозье А.

Антиглобализм на тропе войны. Борьба против нового мирового порядка / А. Лозье — «Алисторус», 2026 — (Против течения)

ISBN 978-5-00269-488-4

Александр Лозье принадлежал к сложному, переходному поколению американских левых. Он стоит на грани между классической городской герильей 1970-1990-х и современным радикальным левым активизмом. Его опыт пришелся на 1990-е и 2000-е годы: борьба против Буша, против бомбардировок Югославии и вторжения в Ирак, против ВТО и глобализма.

Он участвовал в знаменитых протестах в Сиэтле в 1999 году, ездил на всемирные форумы левых в Порту-Алегри и Сан-Паулу, поддерживал сапатистов, был видным деятелем боевого крыла антиглобализма начала нулевых. В этой книге Лозье рассказывает об этом сложном периоде в истории левых. О том, как движение перестраивалось после развала СССР, искало новые основания для борьбы – и нашло их. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 329.055.5
ББК 66.69(7Coe)

ISBN 978-5-00269-488-4

© Лозье А., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Глава первая	12
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Лозье
Антиглобализм на тропе войны
Борьба против нового мирового порядка

*Посвящается моей жене и боевой подруге Брианне, чья красота
подобна красоте революции*

© Лозье А., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Благодарности

Эта книга не могла бы появиться без любящей поддержки множества друзей, членов семьи и наставников, которые на протяжении всей моей жизни бескорыстно дарили мне себя.

Я хочу поблагодарить моих родителей, Джека и Лору Лозье, которые вынесли столько тягот и подарили мне любящий, стабильный дом, несмотря на невероятные трудности. Я особенно благодарен отцу за его рассказы о 1960-х, которые вдохновляли мои поступки долгие годы, хотя, вероятно, теперь он об этом жалеет.

Спасибо моей учительнице второго класса, мисс Келлер, которая разглядела мой писательский талант и прочитала мой первый рассказ перед всем классом.

Я хочу поблагодарить моих друзей, которые читали отрывки из моей книги и давали советы на этом пути, особенно Стивена Смайстрлу, Алана Зюдермана, Брента Фурла и Тайлера Вернера.

Спасибо моей семье – Брианне, Поэте и Леннону, которые всегда верили в меня и дали мне время и возможность написать эту книгу, поглотившую многие часы последних двух лет.

Спасибо Дэвиду Редмону и Марсело Андраде, чьи мужество, страсть и преданность делу глобальной справедливости продолжают вдохновлять меня по сей день. Огромное спасибо всем сотрудникам DGI за бескорыстную помощь боевым левым в странах Первого мира.

И наконец, я хочу поблагодарить каждого, кто был частью истории моей жизни и появляется на этих страницах под другими именами. Спасибо за то, что вы были собой и помогли сформировать того человека, которым я стал сегодня.

Предисловие

Это было ледяное утро в Вашингтоне. Я проснулся на полу в подвале у незнакомых людей, обессиленный после двадцатичасовой поездки на автобусе и всего нескольких часов сна. У меня ломило тело от жесткого деревянного пола, и я безумно хотел кофе. Но, несмотря на физический дискомфорт и изнеможение, сердце забилося от волнения, стоило мне открыть глаза и вспомнить, где я. Это было утро 20 января 2001 года – дня инаугурации Джорджа Буша-младшего.

Я приехал в Вашингтон не для того, чтобы праздновать инаугурацию. Совсем наоборот. Я был одним из десятков тысяч людей, пришедших в город, чтобы протестовать против самых спорных выборов на памяти поколения. По крайней мере на моей памяти – мне тогда было всего двадцать два. Это были всего лишь вторые выборы, в которых я имел право голосовать. Но я и не сказать чтобы сильно огорчился поражению Эла Гора. Мой голос ушел Ральфу Нейдеру от Партии зеленых.

Годом ранее я участвовал в протестах на съездах обеих партий – и республиканской, и демократической. Я верил, что обе политические партии куплены и оплачены транснациональными корпорациями. Даже голос за Нейдера я отдал с неохотой. Моя убежденность в том, что вся электоральная политика обречена на провал, росла с каждым днем.

Этот протест был для меня особенно значим, потому что он стал моментом переступания черты. Впервые я собирался участвовать в анархистской Чёрной автономии. Хотя истоки Чёрной автономии уходили по крайней мере в 1980-е годы в Европе, в Соединенных Штатах она впервые громко заявила о себе во время протестов 1999 года против Всемирной торговой организации (ВТО) в Сиэтле. Пока десятки тысяч протестующих участвовали в акциях ненасильственного гражданского неповиновения и маршах, несколько сотен радикалов, одетых во все черное, с закрытыми лицами, принялись крушить витрины корпоративных магазинов в финансовом квартале. Их не интересовало символическое выражение протеста. Они стремились разрушить капиталистическую систему силой.

Хотя о протестах в Сиэтле я узнал только из вечерних новостей, предыдущий год я потратил на то, чтобы оказаться в центре событий. Через различные онлайн-каналы я раздобыл номер телефона контактного лица на анархистском «совете представителей», который проходил в Вашингтоне накануне. Прежде чем получить этот номер, я должен был предоставить рекомендации из левацкого сообщества. К счастью, мой опыт участия в прямой акции прошлым летом в Лос-Анджелесе, где меня арестовали и я провел десять дней в тюрьме, устроил этих ребят. Мне назвали время и место «схода».

Протесты против ВТО в Сиэтле в 1999 году

Объяснять дресс-код не потребовалось. Мы с друзьями, приехавшими вместе из Остина, проснувшись тем утром, уже были одеты в основном в черное, а в карманах у нас лежали черные банданы. Проходя несколько кварталов через город к перекрестку 14-й улицы и К-стрит, мы почти не разговаривали, молча проверяя про себя припасы в рюкзаках. Укус и запасные банданы – чтобы ослабить действие слезоточивого газа; бутылки с водой – чтобы промыть глаза, если попадёт перечный газ; нож в кармане – чтобы при необходимости проткнуть шины полицейской машины.

Когда мы свернули за последний угол на 14-й улице, то увидели в парке большое черное море – более пятисот анархистов – и большой черный транспарант с белыми буквами: «Классовая война – сейчас». Мы повязали банданы на лица и ускорили шаг, направляясь к парку, чтобы полиция не успела нас перехватить.

Мы едва успели ступить в парк, как началось шествие, сразу выплеснувшееся на улицы. Я с друзьями поспешил догнать толпу и влиться в ее середину. Вокруг были лица в черных масках, большие транспаранты, барабаны и страстные слоганы. «Чьи улицы? Наши улицы!» Меня охватило чувство восторга, прилив адреналина и силы, каких я никогда не знал. «Это мой момент, – подумал я. – Я переступаю страницы истории. Я часть революции, которая навсегда изменит мир».

Четыре года спустя мы не только не остановили первую инаугурацию Буша – он уже приносил присягу на второй срок. За это время я участвовал в десятках акций, подобных описанной выше, и даже организовал несколько своих. Я много путешествовал, участвуя в воинственных протестах по всем Соединенным Штатам, а также в Канаде, Мексике и даже Венесуэле. Я входил в международную редакционную коллегию IndyMedia.org, писал и публиковал статьи о событиях по всему миру, которые считал частью растущей глобальной революции против корпоративного капитализма. Моя приверженность анархизму углубилась, и в какой-то момент я был гостем на радишоу Джона Зерзана в Юджине, штат Орегон.

В тот период мир сам претерпевал изменения. Утром 11 сентября 2001 года, когда самолеты врезались в башни Всемирного торгового центра, я находился в разгар последних приготовлений к масштабной акции в Вашингтоне, округ Колумбия, протестам против Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, намеченным на двадцать восьмое число. Мы с товарищами смастерили щиты из толстого пластика, вырезанного из мусорных

баков. У меня до сих пор остался шрам на указательном пальце от того момента, когда при изготовлении соскочил канцелярский нож. Встречи МВФ и Всемирного банка отменили, но мы все равно поехали в Вашингтон. Наша все еще внушительная анархистская Чёрная автономия быстро окружила усиленный отряд полиции для подавления беспорядков, которая была в особенно нетерпимом настроении, и сопровождала нас на всем протяжении маршрута.

Я был среди первых, кто протестовал против вторжения в Афганистан – пикетировал перед Белым домом в ту самую ночь, когда вторжение было объявлено. Когда начали появляться слухи об Ираке, движение «антиглобалистов», частью которого я был, превратилось в «антивоенное» движение. 15 февраля 2003 года был и остается самым масштабным скоординированным протестом в мировой истории. До этого я бывал на многих крупных акциях протеста, но поразительным в этой было то, что она была не одна, а множество, разбросанных по всему земному шару. И каждая из них по отдельности была достаточно большой, чтобы побить рекорды. На той, в которой я участвовал в Остине, штат Техас, собралось более десяти тысяч человек, но примерно пять тысяч – в Далласе и семь тысяч – в Хьюстоне в тот же день. Это было совершенно неслыханно. Не говоря уже о сотнях тысяч, вышедших в Сан-Франциско и Нью-Йорке, или о предполагаемом миллионе в Риме.

И все же наши протесты ничего не дали. Вторжение в Ирак продолжилось по плану. Мало того, в следующем году Буш был переизбран. Я помню, как впал в глубокое отчаяние. Если протест такого масштаба не способен ничего изменить, то что же способно? Вдохновившись анархистом-организатором XIX века Джо Хиллом – чьими предсмертными словами были «не скорбите, организовывайте!», – мы с друзьями неустанно работали над тем, чтобы вновь зажечь сопротивление в Остине в период до и после переизбрания Джорджа Буша-младшего. Благодаря сочетанию творчества и упорного труда нам снова удалось мобилизовать около десяти тысяч человек на улицы Остина для протеста против инаугурации Джорджа Буша-младшего. Очевидно, мы не остановили шестеренки капитализма или военную машину даже на секунду. Однако нам удалось помочь одной девятнадцатилетней девушке попасть под арест за нападение на полицейского.

Очередной небольшой пик сменился еще более глубоким спадом. И здесь, я считаю, мы начали терять ориентиры. Идеологические трещины, которые сопровождали наше движение со времен Сиэтла 1999 года, стали лишь более явными. Создавалось впечатление, что наша абсолютная неспособность вызвать какие-либо изменения в окружающем мире заставила нас обратить критику внутрь себя. Идентитарная политика резко пошла вверх, а заседания советов представителей превратились из стратегии планирования массовых акций в жалкие форумы бесконечной самокритики. В конце концов, наши действия стали более отчаянными. Мы сорвали речь приехавшего в Техасский университет правого интеллектуала с помощью воздушных гудков. Темой его выступления было подавление свободы слова в университетских кампусах. Еще четверо из нас были арестованы – все молодые люди, которые, в отличие от старших и более опытных товарищей, либо хуже осознавали, где проходят границы дозволенного, либо были более склонны их переступить, потому что не до конца понимали последствия.

Ирония этого последнего действия не ускользнула от меня. Этот оратор приехал в кампус Техасского университета, чтобы рассказать о зарождающейся тенденции среди левых подавлять свободу слова. Наш ответ, мягко говоря, заключался в том, чтобы подавить его свободу слова. Мы не могли остановить глобализацию, мы не могли остановить войну, но мы могли помешать кому-то выступать. Кем мы стали?

Это был последний протест, в котором я когда-либо участвовал.

Моя цель в написании этих мемуаров – зафиксировать мое собственное участие в движении воинствующих анархистов на протяжении пяти лет, с 2000 по 2005 год. Я пытаюсь вспомнить события, которые сформировали мое мышление, и само мышление, которое направляло мои поступки. Это было одновременно сложное и захватывающее время для меня и тысяч

других людей по всему миру. Мой опыт был глубоко связан с моим воспитанием, моей молодостью, моими стремлениями, моей неуверенностью, моими прозрениями, а также моими слепыми зонами. Я надеюсь, что мой личный рассказ поможет другим, кто пытается понять радикальных левых, которых мы видим сегодня.

С одной стороны, я считаю, что одетые в черное «Антифа» не те злодеи, какими кажутся. Как и я когда-то, это в основном молодые люди, пытающиеся отстаивать справедливость и оставить свой след в этом мире и в истории. Но с другой стороны, и это не менее важно, они не те герои, какими себя считают. Их действия часто безрассудны и жестоки, скорее тираничны, чем либертарианские. Они являются острием копья радикальных левых, которые стали еще более экстремальными с тех пор, как я почти пятнадцать лет назад перестал участвовать в уличной политике. Далекие от того, чтобы быть революционным движением, борющимся за права рабочих и защиту окружающей среды, они продвигают парализующую идентитарную политику, которая добилась немногого, кроме усиления зеркального отражения белой идентитарной политики на крайне правом фланге.

Сегодняшние «Антифа», похожие на предшествовавшую им Чёрную автономию эпохи Буша, остаются своего рода «запретным удовольствием» для левых. Если их не считают героями, то по крайней мере «антигероями». Многие либералы, возможно, прямо не одобряют их действий, но втайне желают им успеха. Широко разрекламированный в соцсетях случай, когда Ричарду Спенсеру дали по лицу на инаугурации Дональда Трампа, вызвал массу похвал. Точно так же присутствие «Антифа» в Шарлоттсвилле описывали в лучшем случае как необходимое зло для противодействия воинствующим неонацистам и сторонникам превосходства белых. Привычный образ воинствующих левых радикалов, «защищающих» уязвимых, мелькал в многочисленных новостных статьях и постах в соцсетях.

Однако эта осторожная похвала крайне избирательна. На каждый позитивный рассказ о том, как «Антифа» защищает мирных протестующих или дает в лицо почти единодушно не вызывающему симпатии персонажу, приходится десятки других видео, например из Портленда, где «Антифа» физически запугивают и преследуют водителей, потому что они в одностороннем порядке решили «перекрыть движение» ради какой-то цели. Или физически нападают на выступающих консерваторов и их гостей в университетских кампусах. Эти видео, кажется, публикуются только теми, кто находится справа, но их смотрят с жадностью.

Будучи активным участником десятков анархистских отрядов в начале 2000-х, я редко чувствовал, что мы получаем должное внимание. Сегодняшние «Антифа» не страдают от этой проблемы. Напротив, их повсеместное присутствие практически на каждом протесте способствовало возникновению нового явления – росту воинственности правых групп, которые все чаще сталкиваются с «Антифа» на улицах, нередко заимствуя их же тактику. Неподготовленному глазу порой трудно отличить «Антифа» от противостоящих им правых групп. И те, и другие приходят вооруженными, приходят в броне, приходят готовыми к бою. Давление на обычных американцев с требованием «выбрать сторону», кажется, растет с каждым днем. Голоса тех, кто призывает к цивилизованности и ненасилию, либо становятся тише, либо их просто труднее услышать.

Не нужно быть гением, чтобы понять, что эта спираль эскалации и насилия ведет всех нас к более мрачному будущему. Именно это осознание вдохновило меня на написание данной книги. Суть нашей проблемы в том, что мы больше не видим в наших политических оппонентах людей. В своем воображении мы изображаем их злодеями из комиксов. Такое отношение дает все большее право тем, кто может оправдать применение физического насилия по отношению к другому. И все же во многом этот другой – не более чем наше зеркальное отражение. Другие родители, другие профессора или другие друзья могли бы с легкостью привести нас к тому, чтобы мы сражались на одной стороне, а не на другой. Я верю, что моя история – одна из многих, раскрывающих эту непростую истину.

Хотя я больше не радикал, я по-прежнему либерал. Я обеспокоен, как и все, ростом правого популизма в Соединенных Штатах и за рубежом. Белый национализм или откровенный фашизм переживает возрождение. Гигантские технологические компании стали новыми монополиями, сворачивая прогресс, достигнутый общественными движениями сто лет назад. Сейчас, как никогда, нам нужно сильное руководство со стороны левых, чтобы вновь сосредоточить внимание на наиболее важных вопросах. Однако я не верю, что это будет возможно, если мы продолжим закрывать глаза на фундаментальную безнравственность действий «Антифа». Да, протест важен. Даже гражданское неповиновение в определенных случаях может быть оправдано. Однако бессмысленное уничтожение чужой собственности не подлежит защите. Жестокие столкновения с полицией и политическими оппонентами создают врагов там, где мы должны создавать союзников. Наклеивание ярлыка «фашист» на любого, кто ставит под сомнение вашу тактику, убивает дискуссию. Войнствующая самоправедность – враг свободного и открытого общества. Самое главное: если мы обеспокоены эскалацией воинственности справа, мы должны начать с анализа собственных движений. Мы должны быть готовы признать, где мы неправы, и отпустить страх, что это сделает нас более уязвимыми.

В конце концов, в уязвимости есть сила. В разные моменты истории нам напоминали об этом такие люди, как Иисус и Махатма Ганди. Относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе. Будь тем изменением, которое хочешь видеть в мире. Наивны ли эти учения в двадцать первом веке? Неужели ставки внезапно стали выше, чем когда-либо прежде? Я так не думаю. Эти учения необходимы именно потому, что противоречат человеческой природе. Идея о том, что «цель оправдывает средства», всегда давалась нам легко. Поэтому нам постоянно нужно напоминать, что это никогда не так – ни в личной жизни, ни в политике. То, что мы делаем, определяет то, кем мы становимся. А то, кем мы становимся, определяет мир, который мы создадим.

Глава первая

Был 1994 год. Мне было шестнадцать, и я заполучил пару белых аудиокассет с записями Вудстокского музыкального фестиваля 1969 года. Мой папа одолжил их у друга, потому что у него возникла идея создать собственную христианскую версию песни «With a Little Help from My Friends». Мой папа не был музыкантом. Когда его проект заглох, я подобрал кассеты, вставил их в свой плеер Walkman и начал слушать.

Я был загипнотизирован. Я слушал часами, и когда последний трек закончился, я перемотал и начал заново. Музыка была прекрасна, но это была не моя любимая часть. Больше всего меня захватили отрезки между песнями, потрескивающие объявления по громкой связи и прежде всего рев толпы. Я представлял себе море тел, сотни тысяч людей, объединенных общей целью, разделяющих одну мечту о мире и любви. И не только это, но и осознанное чувство – по крайней мере мне так казалось – быть частью момента во времени, события в истории. Чувство, что их жизнь действительно имела значение, возможно, не по отдельности, но вместе.

Моему отцу было всего четырнадцать в 1969 году, когда проходил Вудсток, и он, вероятно, даже не знал о его проведении. Однако он сходил посмотреть фильм, когда он вышел на экраны год спустя. Его собственный отец, бывший морской пехотинец, награжденный ветеран Корейской войны, незадолго до этого без предупреждения бросил жену и детей – сказал, что пошел купить сигареты, и не вернулся. Моя бабушка осталась одна растить пятерых детей, мой отец был старшим. Мой дед был громким, сварливым алкоголиком, которого тошнило от всего антивоенного движения, движения за гражданские права, хиппи, Битлз и так далее. Мой отец, должно быть, знал, как сильно дед бы не одобрил всё, связанное с Вудстоком, и, возможно, это сыграло свою роль в том, как фильм повлиял на него. Это было нечто вроде переживания обращения.

До самой своей смерти в 2011 году моя бабушка всегда жалела, что позволила ему пойти на «Вудсток».

Вскоре после просмотра фильма мой отец начал отращивать длинные волосы и подружился с людьми, которые курили табак и пили пиво. Он жил в Корпус-Кристи, штат Техас, и остро осознавал, что находится на периферии всех «событий» того времени, которые, как он знал, происходили в больших городах вроде Сан-Франциско, Нью-Йорка или даже Далласа. Но он стал самым большим хиппи, каким только мог, ища образцы для подражания.

Ему так и не удалось побывать на антивоенной демонстрации. К тому же Вудсток был в некотором смысле последним большим всплеском антивоенного движения, после которого его импульс значительно пошел на спад. Так что участие моего отца в основном ограничивалось модой (длинные волосы и клешы) и бухлом.

Тем не менее он влипал в достаточно серьезные неприятности, так что моя бабушка почувствовала необходимость что-то изменить, и они с ее сестрой перевезли свои семьи в Даллас. Моему отцу удалось закончить школу, получить приличную работу в механической мастерской и купить фургон. Он очень гордился этим фургоном. Я отчетливо помню, как нашел старую фотографию Polaroid, где он сидит в открытой боковой двери фургона, его длинные светлые волосы блестят на техасском солнце, а в руках он держит пластиковую миску с табаком. Я помню, как пристально смотрел на это фото и решил, что хочу быть точно таким же, как он.

Однажды в конце 1970-х он развезжал по Далласу в этом фургоне с приятелем на пассажирском сиденье, когда его друг крикнул: «Девчонки!» Мой отец резко развернул фургон, и они притормозили рядом с группой старшеклассниц, шедших из школы домой. Он спросил, не нужна ли им помощь (что, должно быть, выглядело жутковато), и когда они отказались, мой

отец припарковался. Они начали разговаривать, и, полагаю, всё шло неплохо, потому что мой отец в итоге вытащил из фургона несколько мягких кресел-мешков и выставил их на лужайку перед домом, напротив которого они припарковались. Мой отец, его друг, моя мама Лора и ее лучшая подруга Кэти просидели на чужой лужайке несколько часов, пока хозяин дома не вышел и не попросил их уйти.

Поначалу мой отец интересовался Кэти больше, чем Лорой. Несколько месяцев спустя Кэти забеременела. Однако в какой-то момент, вскоре после рождения его первого сына Джастина, отец потерял интерес к Кэти и обратил внимание на Лору. Некоторое время они встречались, а потом поехали в близлежащий кинотеатр для автомобилистов на фильм «Невероятный исчезающий человек» (7 процентов на Rotten Tomatoes). Именно там, как мне рассказывали, я и был зачат. Они поженились в апреле 1978 года, а я родился в ноябре того же года.

Что случилось с Кэти и его сыном Джастином, который был всего на год старше меня? Трудно сказать. Мой отец говорит, что Кэти не хотела, чтобы он участвовал в жизни сына. Уверен, её версия была бы немного другой. Тем не менее я узнал, что у меня есть сводный брат, только когда мне было около тринадцати, и я встретил его лишь однажды.

Я не уверен, были ли мои родители счастливы в первый год брака. Я знаю, что мой отец много курил вонючие сигареты, а мама принимала лекарства от сердца. У меня складывается впечатление, что моя мать была довольно подавлена. Однажды отец пришел домой и застал ее за чтением Библии. Она сказала: «Я не думаю, что мы правильно живем». Мой отец очень разозлился и ушел к друзьям.

Однако, очевидно, её слова действовали на него, потому что когда он проснулся в Страстную пятницу 1980 года, в нем тоже что-то изменилось. Он внезапно понял, что воскресение и все истории об Иисусе – правда, и по собственной воле – не находясь в церкви и не отвечая на «призыв к алтарю» – мой отец произнес молитву и отдал свою жизнь Христу. Он «родился свыше».

Большинство христиан после обращения чувствуют себя обязанными отказаться от старых алкогольных привычек – но только не мой отец. Поскольку его обращение было в значительной степени самонаправленным, он немедленно принялся интерпретировать христианство по-своему. «Иисус, вероятно, курил бы кубинский табак», – почти слышу я его слова. Тем не менее он пылал, почти маниакален в своем новообретенном рвении и вере.

Несколько дней спустя он тусовался с друзьями, курил с ними табак и рассказывал им об Иисусе. Их это не слишком интересовало и, честно говоря, раздражало. Наконец, один из них сказал: «Слушай, чувак, мы собираемся выпить. Я уверен, что ты теперь этим не увлекаешься». В голове у моего отца всплыла фраза из Нового Завета – «остаться с ними». Он рассудил, что Иисус делал то же, что и окружающие, не отделял себя и не ставил себя «выше» того, чем обычный человек проводит время. Итак, мой отец решил остаться и выпить вместе с ними. Мой отец принял две дозы, которые, как он отчетливо помнил, были на маленьких бумажках с изображением драконов.

Некоторое время спустя (невозможно сказать, сколько времени прошло на самом деле) мой отец заметил, что водка не казалась такой уж сильной. Он так и сказал, предположив, что бухло «в наши дни» уже не такой мощное, как в шестидесятых. Он похвастался: «Я, наверное, мог бы принять еще пять, и всё было бы нормально». Видимо, бухла было в достатке, потому что один из его друзей передал ему миску с дозами и сказал, что он может брать. Мой отец принял еще пять доз, итого семь.

Сомневаюсь, что мой отец понимал, насколько он обкурился в следующие пару часов. Он продолжал говорить об Иисусе до такой степени, что друзья попросили его уйти. Он помнит, как шел домой, остро ощущая, что Бог по правую руку от него, а Сатана – по левую, словно он шел по канату между добром и злом.

Он добрался до дома, будучи совершенно невменяемым. Мне был год, я спал в своей кровати на втором этаже. Мой отец начал говорить о том, как бы ему поджечь квартиру. Он поднялся наверх, и моя мать, отчаянно боясь, что он может что-то сделать со мной, последовала за ним. Он бессвязно бредил о своем отце и о том, что докажет, что не боится. Он посмотрел на мою мать, и, как он помнит, она остолбенела, явившись ему ангелом. Она что-то прошептала, и он услышал: «Сделай это». В его сознании это было приглашение раз и навсегда преодолеть страх. Прыжок веры. Он прыгнул – точнее нырнул – головой вниз с лестницы.

Он не потерял сознание. Когда он лежал внизу лестницы, он понял, что больше не чувствует и не двигает телом ниже пояса, а движения рук тоже были нарушены. Позже он узнал, что мгновенно стал квадриплегиком, но это прояснится только после долгой и мучительной ночи в больнице, где он пережил всевозможные галлюцинации и параноидальные бредни.

Наконец, когда действие бухла закончилось – вероятно, это был самый тяжелый «отходняк» в его жизни, – мой отец окончательно понял, что несчастный случай сделал его парализованным навсегда. Хотя у него остались некоторые ограниченные движения в руках, он больше никогда не сможет ходить. Он пролежал в больнице несколько дней, обдумывая свою жизнь и то, есть ли у него желание продолжать её.

Моя мать осталась с ним, устроилась работать официанткой, чтобы содержать меня, пока он месяцами находился в реабилитационном центре. Его эрготерапевт советовал ему подумать о том, что делать дальше, как он сможет себя обеспечивать и содержать семью. Прежняя работа в механической мастерской для него больше не подходила. За день или два до этого он написал письмо своему отцу. Почти как вытаскивая идею из шляпы, мой отец сказал: «Ну, я умею печатать. Думаю, стану программистом».

При поддержке правительства мой отец начал посещать занятия в местном колледже, чтобы получить степень младшего специалиста по компьютерному программированию. Каждый день был борьбой: он с трудом получал тройки, иногда четверки. Он дважды завалил COBOL, прежде чем наконец сдать его на тройку.

В то время мы жили с отцом моей мамы в Далласе, всего в нескольких кварталах от того места, где мой папа встретил мою маму и ее подруг, когда они шли из школы домой. Колледж находился неподалеку, и мой отец мог ездить туда и обратно на своей электрической инвалидной коляске. Я никогда не забуду день его выпуска. Мне было пять лет, и я сидел у него на коленях всю дорогу до колледжа. Был яркий солнечный день, на отце была черная мантия, а я держал в руке шапочку, чтобы ее не сдуло. Я помню, как перебирал пальцами желтую кисточку, чувствуя гордость.

Отец моего отца, мой дедушка, пришел на церемонию. Я помню, как он стоял в проходе и щелкнул камерой, когда мой папа получал диплом.

После этого жизнь наладилась. Мы с мамой, папой и я получили собственную квартиру – огромный шаг вперед по сравнению с государственным жильем, где мы жили раньше, или с жизнью у родственников. Вскоре после этого я и сам заинтересовался программированием. Папа отдал мне компьютер, которым пользовался в колледже, и я начал писать свои собственные игры и приложения для учета моих скудных карманных денег. К средней школе я организовал в школе подпольную хакерскую группу и взял себе псевдоним «Черная Борода». Я никогда не делал ничего особенно зловещего, но меня почему-то привлекала идея тайного подполья.

Религия была огромной частью нашей жизни. Мой отец так и не смирился со своим диагнозом. Вместо этого он убедил себя, что однажды будет чудесным образом исцелен. Я помню, как мы ходили во многие церкви всякий раз, когда в город приезжал известный «целитель верой». В большинстве случаев целители, казалось, не замечали моего отца. Исцелять людей с болями в спине или тугоподвижностью суставов было, очевидно, намного проще. В тех слу-

чаях, когда целители замечали отца и возлагали на него руки, они в конце концов заключали, что либо «Божье время не наше время», либо, что хуже, его вера еще недостаточно сильна.

Когда я стал старше, моя вера поколебалась. Я жадно читал Библию, но не мог понять, почему Бог Библии так сильно отличается от Бога, которого я видел в этих церквях. Разве справедливо, что Бог ожидает от нас веры, тогда как люди, жившие во времена Ветхого или Нового Завета, были свидетелями неоспоримых чудес? Я никогда не видел расступающегося моря, ни манны небесной, ни воды, превращенной в вино. Я никогда не видел, чтобы слепые прозревали, а хромы начинали ходить.

Примерно в то время, когда я впервые взял в руки кассеты с Вудстоком, я полностью оставил веру. Я лежал в постели, молча борясь с Богом в своих мыслях.

«Боже, если Ты реален, Ты можешь всё. Нет ничего проще, чем показать мне, что Ты существуешь. Пожалуйста, покажи мне, что Ты есть! Дай мне что-нибудь! Что угодно!»

Я тихо ждал в темноте, но ответа на мою молитву не было – только темнота, только тишина. «Всё, хватит», – решил я. Я стал атеистом в ту же минуту.

Я скрыл свое решение от родителей. Я не мог представить себе этот разговор с ними. Или если и представлял, то не мог вообразить, чтобы он когда-нибудь закончился. Мои родители никогда не смогли бы полностью любить и принимать меня, если бы я не был христианином.

На месте утраченной веры я искал что-то, чем можно заполнить пустоту. Что-то, что дало бы мне чувство принадлежности и цели. Я снова и снова слушал кассеты с Вудстоком, мечтая вернуться в прошлое и присоединиться к ним. Что интересно, я узнал, что в августе того года в Нью-Йорке должен был состояться концерт, посвященный двадцатипятилетнему юбилею. Я хотел поехать, но это было невозможно. У меня не было своих денег, и не было никаких шансов, что родители помогут мне оплатить эту поездку. Кроме того, с кем бы я поехал? И вот, как и мой отец, я сделал следующее лучшее дело – пошел в Target и купил несколько футболок с тай-дай и бусы. Мои волосы становились длинными. Когда я вошел в свой первый класс в десятом классе, парень с задней парты сказал: «Эй, Вудсток!» Я показал ему знак мира. Это прозвище прилипло ко мне почти на весь тот год.

Глава вторая

Решение стать атеистом в шестнадцать лет дало мне разрешение экспериментировать с бухлом, к чему, думаю, я стремился большую часть своей жизни. Можно было бы подумать, что быть сыном отца-квадриплегика, чья инвалидность стала прямым результатом употребления бухла, должно было стать четким сдерживающим фактором. Возможно, так бы и было, если бы не тот факт, что мой отец открыто говорил со мной о своем богатом алкогольном опыте, часто с оттенком гламура и ностальгии.

Мой детский опыт «церкви» по большей части проходил не в зданиях, а в домах людей. Мои родители входили в неформальную группу людей, неофициально называвшихся «Братья», которые собирались по выходным, курили табак и обсуждали Библию. Но любовь моего отца к табаку началась на десять или более лет раньше этого периода.

Мой отец рассказывал мне, как он выкуривал сигару перед работой или перед выходом на люди, и как ему нравилось, что никто не знает, что он обкурен. Это была его конечная цель, способ выиграть в жизни, «держаться на плаву». То есть получать кайф, одновременно справляясь с жизненными обязанностями.

Несмотря на то что можно было предположить, он также хорошо помнил большинство своих экспериментов с бухлом. Он говорил мне, что это действительно похоже на «путешествие», не покидая своей комнаты. Он вспоминал много положительных моментов, когда они пили с друзьями и часами напролет слушали Pink Floyd «Animals». Я не мог представить, что такое психоделическое путешествие, но не мог дожидаться, чтобы узнать. Ошибка моего отца, говорил я себе, была в том, что он принял слишком много. Пока я буду соблюдать разумную дозировку, нет причин, по которым я не мог бы попробовать.

В течение нескольких месяцев после того, как я стал атеистом, я попробовал и табак, и бухло, и они мне оба понравились. Однако в то же время я боролся с чувством вины и отчуждением от родителей. Мы были по-своему близки, хотя все мы были экспертами в сокрытии истины под поверхностью. Очевидно, они знали, что во мне что-то изменилось, хотя я никогда не говорил об этом, а они никогда не спрашивали.

Я вступил в дискуссионный клуб в старшей школе и подружился с одним христианином. В основном, как мне казалось, мне нравилось с ним спорить. Когда он пригласил меня поехать с ним в церковный лагерь следующим летом, я согласился – только потому, что думал, что будет весело целую неделю спорить с христианами. Но через пару дней я снова обратился, стал «рожденным свыше» и немедленно «воспылал верой к Иисусу». Я полностью бросил бухло. В одиннадцатом классе я отрастил длинные волосы и начал носить большой крест на шее. Я заработал новое прозвище, которое сохранилось даже на первом курсе колледжа: Иисус.

В старшей школе мой интерес к компьютерам угас, и я увлекся историей. У меня был отличный учитель, который умел удерживать внимание учеников, каждый день меняя подход. Изучая один период, например древнегреческую цивилизацию, одно занятие он посвящал архитектуре, другое – сражениям и военной тактике, а третье – философии и литературе. У меня был пытливый ум, и хотя меня интересовало много предметов, я беспокоился, что не смогу выбрать единственную специальность в колледже. История, заключил я, была для меня способом не делать выбор.

Я получил стипендию в небольшом колледже гуманитарных наук недалеко от Остина, штат Техас, всего в нескольких часах езды от Далласа. Это было достаточно близко к дому, чтобы родители чувствовали себя спокойно, но достаточно далеко, чтобы я обрел независимость. Я не мог дожидаться, чтобы начать самостоятельную жизнь. И хотя я все еще носил свои футболки с надписью «Иисус» и кресты, мой углубляющийся интерес к истории и философии постепенно подтачивал мою веру изнутри.

Одним из первых курсов, на который я записался в колледже, были «Перспективы Нового Завета». Я был взволнован, потому что думал, что это углубит мое понимание Библии. К моему удивлению, я обнаружил, что мой профессор совершенно не верил в безошибочность Библии. По мере того как семестр шел, моя вера разрушалась из-за обнаружения все новых и новых необъяснимых противоречий между Евангелиями.

Когда я получил руководство к итоговому экзамену, одним из вопросов был: «Сравните и противопоставьте описания воскресения, представленные в синоптических Евангелиях». К синоптическим Евангелиям относятся Матфей, Марк и Лука, которые, как предполагается, происходят из общего источника. Иоанн не был включен из-за многих радикальных отличий и предположительно иного происхождения. И вот, будучи хорошим студентом, я сел готовиться к этому экзаменационному вопросу – делая заметки, детально просматривая историю в каждом Евангелии. К тому времени, как я встал, последний гвоздь в крышку гроба моей веры был почти забит.

В то же время, когда интеллектуальные основы моей веры ослабевали, аналогичное воздействие происходило и на эмоциональном уровне. Одним из моих первых действий на первом курсе университета было вступление в христианский клуб «Cross Training». Однако правда заключалась в том, что я не вписывался. Я не знал, было ли это из-за моих длинных волос и хиппового стиля (почти все остальные были строгими и «преуспевающими») или из-за моего более «харизматического» неденоминационного происхождения, но как бы то ни было, друзей я не заводил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.